

Терешёнок Елена Владимировна

ОБРАЗ БУНТАРЯ В РОМАНЕ УВЕ ТИММА "КРАСНЫЙ ЦВЕТ"

Статья посвящена комплексному анализу художественно-композиционных и словесно-речевых средств и способов создания образа бунтаря в романе современного немецкого писателя Уве Тимма "Красный цвет". На основании проведенного исследования автором с применением метода тематического расслоения текста выявлены такие наиболее значимые аспекты создания образа литературного героя в данном произведении как портрет персонажа и его речевая характеристика.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-3/53.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. III. С. 189-194. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81.373

Филологические науки

Статья посвящена комплексному анализу художественно-композиционных и словесно-речевых средств и способов создания образа бунтаря в романе современного немецкого писателя Уве Тимма «Красный цвет». На основании проведенного исследования автором с применением метода тематического расслоения текста выявлены такие наиболее значимые аспекты создания образа литературного героя в данном произведении как портрет персонажа и его речевая характеристика.

Ключевые слова и фразы: индивидуально-авторская картина мира; художественный образ; способы экспликации художественного образа; интродукция образа персонажа; портрет персонажа; речевая характеристика персонажа; описание поступков персонажа; категория авторского отношения.

Терешёнок Елена Владимировна

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
vesna14@mail.ru

ОБРАЗ БУНТАРЯ В РОМАНЕ УВЕ ТИММА «КРАСНЫЙ ЦВЕТ»[©]

Современная филология характеризуется ярко выраженным антропоцентрическим подходом к изучению языка. В антропоцентрической парадигме приоритетны как исследовательский объект описания индивидуально-авторские картины мира мастеров художественного слова, о чем свидетельствуют современные публикации [2, с. 347-363; 3, с. 114-118; 4, с. 104-106; 5]. Данным обстоятельством обусловлено наше внимание к творчеству писателя Уве Тимма, индивидуально-авторская картина мира которого, насколько мы можем судить, мало исследована в российской филологии.

Образ бунтаря является сквозным в творчестве современного немецкого писателя Уве Тимма, что объясняется тематикой написанных им книг. Тема протеста – это одна из ключевых тем большинства произведений данного автора, в том числе и его романа «Красный цвет» (2001 г.) [8], где образ бунтаря воплощен в персонаже Петера Ашенбергера.

Применяя метод тематического расслоения текста, впервые предложенный О. С. Ахмановой и В. Я. Задорновой и получивший дальнейшее развитие и уточнение в работах Е. Б. Борисовой [1], мы хотели бы провести анализ главных содержательных аспектов образа данного персонажа (интродукция образа, портрет персонажа, речевая характеристика, описание его поступков и категория авторского отношения) и лингвопоэтический анализ способов его воплощения.

Действие романа «Красный цвет» происходит в Берлине конца 90-х годов XX века. Здесь живет и работает главный герой, 54-летний Томас Линде, от лица которого и ведется повествование. В годы юности он был активным участником студенческого протестного движения, сейчас же Линде – похоронный оратор и пианист джаз-бэнда. Однажды главный герой получает очередной заказ написание надгробной речи. Согласно завещанию незнакомца, некоего Петера Людерса, сделать это должен именно Томас Линде. Его удивляет необычайно высокий гонорар – 5000 марок. Заинтригованный протагонист отправляется в квартиру Людерса на встречу с сыном покойного, чтобы уточнить необходимые для подготовки речи детали. Очень скоро Линде понимает, что умерший Петер Людерс – не кто иной, как его бывший друг и активист студенческого движения Петер Ашенбергер. Так начинается погружение главного героя в давно забытое прошлое.

Первое упоминание об Ашенбергере сопровождается описанием его квартиры, из которого читатель получает представление об образе жизни и круге интересов героя: *Die Wohnung lag im Souterrain, war dunkel, aber nicht feucht, und das lag sicherlich auch daran, daß sie mit Büchern und Papier vollgestopft war. Der junge Mann führte mich durch einen schmalen Korridor in einen Raum, der offensichtlich Wohn- und Arbeitszimmer war, hier waren die Wände bis oben mit Büchern vollgestellt, sogar die Fläche über die Türen war mit Regalbrettern genutzt. <...> Auf einem größeren Tisch in der Mitte des Raums, auf zwei Stühlen, auf dem Schreibtisch, auf dem Boden lagen Bücher, Marx, Marcuse, Benjamin, Adorno, Althusser, Bourdieu, Dirk Baecker, Bücher, Bücher, Zeitschriften, Zettel* [8, S. 42]. / *Находившаяся в полуподвале квартира оказалась тёмной, но не сырой – вероятно, потому что была до отказа забита книгами и бумагами. Молодой мужчина провел меня через узкий коридор в комнату, служившую, по всей видимости, залом и кабинетом, – стены здесь были до самого верха заставлены книгами, даже пространство над дверями использовалось под полки. <...> На большом столе в центре комнаты, на двух стульях, на письменном столе, на полу – везде лежали книги: Маркс, Маркузе, Беньямин, Адорно, Альтхуссер, Бурдьё, Дирк Беккер. Книги, опять книги, журналы, листки (Здесь и далее перевод наш – Е. Т.).* Квартира Ашенбергера характеризует его как человека, не отличающегося особым достатком и пренебрегающего комфортом: она темная, поскольку расположена в полуподвале, и была бы сырой, если бы не масса находящихся в ней книг. В основном это политическая литература левого толка, составлявшая теоретическую базу студенческого движения 60-х гг. Лексический повтор слова *Bücher* (книги) указывает на огромное количество книг в квартире, а асиндетический ряд имен их авторов подчеркивает насыщенность описания отдельными частными впечатлениями и невозможность перечислить всё.

Слова сына покойного Петера Ашенбергера подтверждают верность первого впечатления, сложившегося у читателя о герое на основании описания обстановки его квартиры: *<...> mein Vater haßte Geld, tatsächlich,*

so etwas gibt es. Und es wäre eine lebenswürdige Eigenart gewesen, wenn er nicht so viele andere, weniger lebenswürdige gehabt hätte [Ibidem, S. 43]. / *Мой отец ненавидел деньги, так правда бывает. И это можно было бы назвать милой особенностью его характера, если бы не другие особенности, менее милые.* Мейо-зис *weniger lebenswürdige (Eigenarten) / менее милые (Особенности характера – Е. Т.)*, имеющий эвфемистический эффект и используемый сыном героя для общей характеристики отрицательных черт характера отца, сводит на нет комплиментарность первой части его высказывания и позволяет предположить, что отношения между отцом и сыном были натянутыми.

Описание внешности Ашенбергера при интродукции образа уместается в одном предложении: *Schmal, asketisch, grau das Haar* [Ibidem, S. 49]. / *Худой, аскетичный, седые волосы.* Именно таким предстает он перед главным героем и читателем на фотографии в паспорте. Лицо кажется Томасу Линде знакомым, однако он не может сказать, откуда знает этого человека.

Портретная характеристика Ашенбергера рассредоточена по всему произведению и складывается, в основном, из воспоминаний о нем главного героя.

Найденные в квартире Ашенбергера старые фотографии помогают Томасу Линде понять, кем был таинственный заказчик: *Und da erkannte ich ihn wieder, das Foto, gut dreißig Jahre alt, zeigte ihn, Aschenberger, nicht Lüders: Volles blondes Haar, schlank, schon damals wirkte er asketisch, er trägt auf dem Foto einen Vollbart, sieht aus wie Johannes der Täufer auf dem Fresko in Padua. Ich fand sogar ein Bild, das uns zusammen zeigt, wir stehen da, halten ein Plakat hoch. Spiegelbildlich steht darauf: Schluß mit dem Bombenterror in Vietnam* [Ibidem, S. 61]. / *И тут я его узнал. На фотографии, пожалуй, тридцатилетней давности был изображен он – Ашенбергер, а не Людерс. Густые светлые волосы, стройный, уже тогда он производил впечатление аскета, на фото у него окладистая борода, и он выглядит как Иоанн Креститель на фреске в Падуе. Я даже нашел одну нашу совместную фотографию – мы стоим и держим плакат. На нем зеркально перевернутая надпись: «Хватит бомбить Вьетнам!».* В приведенном выше описании персонажа Уве Тимм концентрирует внимание на наиболее ярких особенностях его внешности (густые светлые волосы, борода, стройная фигура). Указание на сходство героя с изображением Иоанна Крестителя на фреске в Падуе формирует в восприятии читателя образ неординарного человека. С той же целью употреблено и прилагательное *asketisch (аскетичный)*: характеризуя внешность персонажа, автор упоминает его на протяжении романа несколько раз. Таким образом, данный портретный штрих становится ключевым в описании Петера Ашенбергера. Линде вспоминает, что любимым занятием Ашенбергера было чтение – одетый в пиджак с набитыми книгами и потому топорщащимися карманами, он читал всегда и всюду: *Aschenberger trug auch an heißen Tagen ein Jackett, dessen Seitentaschen ausgebeult waren von Büchern. Meine Erinnerung ist denn auch bestimmt von diesem lesenden Aschenberger. Er las in der Straßenbahn, im Sommer auf dem Rasen vor der Uni, in dem Café, in dem ihm die Bedienung den Kuchen vom Vortag schenkte* [Ibidem, S. 293]. / *Даже в жаркие дни на Ашенбергере был пиджак с топорщащимися от лежащих в них книг карманами. Я вспоминаю его постоянно читающим. Он читал в трамвае, летом – на газоне перед университетом, в кафе, где официанты отдавали ему вчерашний пирог.*

Немаловажным моментом в создании образа персонажа является описание его манеры говорить: *Aschenberger rauchte viel, selbstgedrehte Zigaretten, mit konzentriert ruhigen Bewegungen drehte er sie, <...> und er redete meist mit einer ähnlichen Ruhe, sprach deutlich, gut artikuliert, aber auch in größeren Diskussionen nie laut. Er zwang so zum Zuhören. Und nur selten, wenn er sich erregte, schlug er mit der rechten Faust einen Takt in die Luft, aber nur dann, wenn er etwas erklärte, das doch sonnenklar hätte sein sollen* [Ibidem, S. 61-62]. / *Ашенбергер много курил. Он сворачивал свои самокрутки концентрированными, спокойными движениями <...> и говорил, обычно, с таким же спокойствием – ясно, членораздельно, но, даже во время масштабных дискуссий, негромко. Так он заставлял слушать себя. И только изредка, когда он был взволнован, он отбивал в воздухе такт правой рукой, сжатой в кулак, объясняя то, что, по его мнению, должно было быть совершенно очевидным.* Уве Тимм акцентирует внимание читателя на спокойствии героя как одной из важнейших черт его характера, прибегая для этого к частичному повтору *mit konzentriert ruhigen Bewegungen (концентрированными, спокойными движениями), mit einer ähnlichen Ruhe (с таким же спокойствием)*. Не подлежит сомнению тот факт, что Ашенбергер – умелый оратор, владеющий необходимыми риторическими приемами и техниками и способный отстаивать свою позицию.

В последние годы жизни Ашенбергер занимался проведением альтернативных экскурсий по Берлину. Видеопись одной из таких экскурсий просматривает в процессе подготовки надгробной речи главный герой. Читатель как бы видит и оценивает в этот момент Ашенбергера глазами Томаса Линде, останавливая свой взгляд то на одной, то на другой детали: *Wieder der weiße Mantel, das graue Haar, das Gesicht, grau, schmal, im Hintergrund eine Reklametafel: rot, blau, gelb, farbig alles, nur dieses weiße, grauhaarige Gespenst* [Ibidem, S. 277]. / *Снова белый плащ, седые волосы, лицо – серое и узкое. На заднем плане рекламная доска: красный, синий, желтый, все вокруг цветное, кроме этого белого, седого призрака.* Белый плащ Ашенбергера, его седые волосы и бледное лицо контрастируют с яркостью красок окружающего мира. Эффект контраста достигается автором через использование простой антитезы *farbig alles, nur dieses weiße, grauhaarige Gespenst (все вокруг цветное, кроме этого белого, седого призрака)* в сочетании с метафорой сверхъестественного существа *dieses Gespenst (этот призрак)*. Называя героя призраком, писатель подчеркивает его приверженность идеалам революционного студенческого прошлого.

Линде продолжает глядеть в лицо Ашенбергера: *Müde sieht er aus, schmal, etwas Verletzliches zeichnet sich unter den Augen ab <...>. Und überarbeitet sieht er aus, nein, überanstrengt, jemand, der die Last der Welt trägt, so scheint es, die Augen aber sind wach, so angestrengt wach, und mir plötzlich nah vertraut* [Ibidem, S. 282]. / *Он выглядит усталым и худым, круги под глазами создают впечатление некой ранимости <...>. И еще*

он выглядит переутомившимся, нет, скорее перенапряжшимся. Кажется, что он несет на себе груз всего мира. Но его глаза внимательны, напряженно-внимательны, и неожиданно я понимаю, что они мне очень хорошо знакомы. Это краткое, но ёмкое описание как нельзя более точно раскрывает внутреннюю сущность героя. Использование автором целого набора стилистических приемов повышает выразительность данного фрагмента и заостряет на нем внимание читателя.

Инверсия *Müde sieht er aus* (Он выглядит усталым) и восходящая градация *Müde sieht er aus* <...>. *Und überarbeitet sieht er aus* (Он выглядит усталым <...>. И еще он выглядит переутомившимся) передают крайнюю усталость Ашенбергера. Текстовая аллюзия *jemand, der die Last der Welt trägt* (он несет на себе груз всего мира) служит отсылкой к древнегреческому мифу об Атланте, держащему на своих плечах небесный свод, и указывает на то чувство ответственности, которое герой испытывает за свои поступки и поступки других людей. Эта нелегкая ноша требует от взявшего ее на себя Петера Ашенбергера стойкости и определенного мужества. Простая антитеза, усиленная лексическим эпифорическим повтором (*Müde sieht er aus, <...> die Augen aber sind wach, so angestrengt wach.* / Он выглядит усталым <...>. Но его глаза внимательны, напряженно-внимательны), подчеркивает удивительную силу воли, присущую этому художнику, усталому, немолодому человеку.

Как только Ашенбергер начинает говорить, от его усталости не остается и следа: *Er steht, blickt kurz in die Kamera, ernst, ohne Affektion, auf der Stirn zeigen sich zwei Falten, er beginnt zu reden, und damit setzt eine Verwandlung ein, er redet und gestikuliert, zunächst kurze knappe Bewegungen mit der rechten Hand, aus dem Handgelenk: Die Hauptsynagoge. Gebaut, Daten, Daten, die er knapp mit Gesten unterstreicht, dann die Pogromnacht. Und wie er redet, jetzt ballt er die Faust, schlägt damit den Worttakt, wie mit Hammerschlägen* [Ibidem, S. 277]. / Он стоит, недолго смотрит в камеру, серьезно и спокойно, на его лбу показываются две складки, он начинает говорить, и тут с ним происходит метаморфоза. Он говорит и жестикулирует: сначала короткие лаконичные движения кистью правой руки: «Центральная синагога. Построена в...». Даты, даты, которые он скупо подчеркивает жестами, потом – ночь погрома. А как он говорит! Теперь он сжимает кулак, отбивая им ритм слов, подобно ударам молота.

Ашенбергер жестикулирует, как бы отчеканивая ритм произносимых им слов. Движения его сжатой в кулак руки Томас Линде сравнивает с ударами молота (*jetzt ballt er die Faust, schlägt damit den Worttakt, wie mit Hammerschlägen* / теперь он сжимает кулак, отбивая им ритм слов, подобно ударам молота). В этом текстовом фрагменте герой предстает перед нами увлеченным своим делом человеком и прекрасным рассказчиком, способным управлять вниманием слушателей.

Образ Петера Ашенбергера в романе «Красный цвет» не является главным, поэтому речевая партия данного персонажа представлена лишь двумя длинными монологами, произнесенными им во время экскурсии по Берлину (видеозапись этой экскурсии просматривает Линде), и рядом диалогических реплик, всплывающих в памяти главного героя в процессе повествования.

В фонетическом плане речь Ашенбергера правильна и соответствует произносительному стандарту, что показывает его образованность. Для передачи живой разговорной речи в речевой партии персонажа автором используются эллипсис, парцелляция, парентеза, асиндетон и инверсия. Приведем фрагмент диалога между Ашенбергером и Линде, в котором Ашенбергер объясняет другу, почему агитработа в заводской среде не приносит желаемого результата:

Es geht voran.

Nein.

Kein Wunder, sagte Aschenberger, die Presse, die Medien, dieser täglich aus allen Kanälen tropfende Antikommunismus, die werden das schon noch durchschauen, ihre wirklichen Interessen entdecken. Dazu gehört Aufklärungsarbeit. Ein langer Atem. Unsere Arbeit [Ibidem, S. 68].

– Дело движется.

– Нет.

– Неудивительно, – сказал Ашенбергер, – пресса, средства массовой информации, этот ежедневно сочающийся из всех каналов антикоммунизм, они (Рабочие – Е. Т.) все это поймут и откроют свои настоящие интересы. Для этого потребуется разъяснительная работа. И терпение. Наша работа.

Здесь налицо употребление бессоюзной связи, эллипсиса *Kein Wunder* / Неудивительно (незамещенными остаются позиции подлежащего и сказуемого), инверсии (в предложении *Dazu gehört Aufklärungsarbeit.* / Для этого потребуется разъяснительная работа. Косвенное дополнение, выраженное наречием *dazu* / для этого, поставлено на первое место) и парцелляции (*Ein langer Atem. Unsere Arbeit.* / И терпение. Наша работа).

Особой чертой речевой характеристики Ашенбергера можно считать использование им общественно-политической лексики, что показывает его принадлежность к политически активной молодежи. Приведем пример: *Basisarbeit, Bewußtseinsarbeit, sagte Aschenberger, man muß die Bunker der Bourgeoisie sprengen.* <...> *diese ideologischen Fortifikationen der Herrschenden, die sich in das Bewußtsein aller eingebunkert haben und an deren weiterer Befestigung in den Köpfen all die Lehrer, Journalisten, Professoren arbeiten, das kann nur durch Aufklärung aufgebrochen werden. Der lange Marsch durch die Institutionen. Bewußtseinsveränderung* [Ibidem, S. 294]. / «Работа с массами, повышение уровня их сознательности, – говорил Ашенбергер. – Нужно взорвать бункеры буржуазии. <...> Эти идеологические укрепления власть имущих, внедрившиеся в сознание людей, над дальнейшим упрочнением которых в их головах работают все эти учителя, журналисты, профессора – их можно прорвать только с помощью просветительной работы. Долгий марш через институты. Изменение сознания». Чтобы лучше донести свою мысль до слушателей, Ашенбергер прибегает к военным метафорам: буржуазный общественный строй и обывательский образ мышления уподобляются бункерам, которые нужно взорвать (*man muß die Bunker der Bourgeoisie sprengen* / нужно взорвать бункеры буржуазии), а идеология господствующего класса – военным укреплениям, которые следует прорвать (*diese ideologischen*

Fortifikationen der Herrschenden, <...> das kann nur durch Aufklärung aufgebrochen werden. / Эти идеологические укрепления власть имущих, <...> их можно прорвать только с помощью просветительной работы). Большую весомость словам героя придает текстовая аппликация – обращение к известному высказыванию лидера студенческого движения Руди Дучке (*Der lange Marsch durch die Institutionen. / Долгий марш через институты*), смысл которого заключается в противостоянии системе государственных и общественных институтов, обслуживающих интересы правящего класса, и разрушении ее изнутри [7]. Итак, Ашенбергер демонстрирует прекрасное знание основных принципов ораторского искусства – его речь отличается правильностью, образностью, выразительностью, точностью, эмоциональностью и убедительностью.

Поступки Ашенбергера, описанные в романе, характеризуют его как человека, направившего все свои усилия на реализацию одной главной цели – изменение существующего общественного порядка.

Линде случайно узнает, что Ашенбергер собирался взорвать Триумфальную колонну на площади Большой Звезды в Берлине, которая является в его глазах символом германской военной агрессии прошлых лет. С помощью этого поступка Ашенбергер, ранее отвергавший любую форму насилия, хотел указать на необходимость перемен и то, что новая, объединенная Германия должна стать лучше своей исторической предшественницы.

Общий знакомый Ашенбергера и Линде, бывший участник студенческого движения Краузе вспоминает разговор, состоявшийся между ним и Ашенбергером, когда тот приехал к нему в поисках самиздатовской брошюры «Гражданская самооборона», представляющей собой руководство по изготовлению взрывных устройств: *Was willst du mit dem Zeug, hab ich gefragt. Bist du bei...? Fiel Aschenberger mir ins Wort: Nein. Ich bin nicht bei – ich bin ich selbst. Einzelkämpfer. <...> Warst doch Pazifist. Bin ich noch. Aber manchmal muß man, um sich bemerkbar zu machen, etwas lauter werden* [8, S. 293]. / «Зачем это тебе? – спросил я. – Ты в...?». Ашенбергер перебил меня: «Нет. Я не “в”, я – это я. Боец-одиночка». <...> – «Ты же был пацифистом». – «Я им и остался. Но иногда нужно повысить голос, чтобы быть замеченным».

Ашенбергер позиционирует себя как бойца-одиночку, бескомпромиссного и верного себе, что получает в тексте лаконичную форму выражения (номинативное односоставное предложение *Einzelkämpfer. / Боец-одиночка*). Он не сообщает о своих планах совершить теракт прямо, а прибегает к метафоре вербальной коммуникации, видя в данном поступке способ привлечения внимания политиков к волнующим его проблемам (*Aber manchmal muß man, um sich bemerkbar zu machen, etwas lauter werden. / Но иногда нужно повысить голос, чтобы быть замеченным*).

Внезапная смерть Ашенбергера помешала ему реализовать свой план. Следует отметить, что данное намерение героя вызывает самые разные реакции других персонажей романа и играет важную роль в развитии сюжета произведения.

Далее остановимся на категории авторского отношения, являющейся одной из основополагающих лингвопоэтических категорий. Она находит свое выражение, в первую очередь, в выборе имени действующего лица. Как известно, имя собственное принадлежит к числу важнейших средств воплощения авторского замысла [6, с. 197]. Нашего героя зовут Петер Ашенбергер. Имя «Петер» (в переводе с греческого – «скала, камень») определяет существенные особенности характера персонажа: в нем актуализируется значение твердости, упорства, негибкости. Фамилия же «Ашенбергер» ассоциируется с потуханием, сгоранием, гибелью (нем. *die Asche* – «зола», *der Berg* – «гора, гряда, куча»). И действительно, студенческое протестное движение, активистом которого когда-то был ныне покойный Ашенбергер, постепенно сошло на нет, его пламя угагло, а революционные идеалы прошлых лет превратились в груды золы.

Необходимо подчеркнуть, что прямые авторские оценки в тексте произведения отсутствуют. Поскольку повествование ведется от лица главного персонажа, читатель воспринимает и оценивает Ашенбергера субъективно, с точки зрения Томаса Линде. В процессе сюжетного развертывания отношение протагониста к Ашенбергеру претерпевает значительные изменения. Так, в самом начале романа оно характеризуется непониманием образа жизни героя, что наглядно иллюстрирует следующий пример из текста: *Der Korridor, das Schlafzimmer, das Arbeitszimmer, alles vollgestopft mit Büchern, Zeitschriften, Flugblättern. Ein Altpapierlager linker Literatur. Wie der da drin gelebt hat. Glaubst du nicht. Ein Grottenolm der Revolution* [8, S. 52]. / Коридор, спальня, кабинет, все забито книгами, журналами, листовками. Склад левой макулатуры. Как он там жил – не поверишь. Протея революции.

Описывая своей возлюбленной Ирис полуподвальную квартиру Ашенбергера, Линде сравнивает ее со складом макулатуры, используя артефактную метафору *ein Altpapierlager linker Literatur* (склад левой макулатуры). Ашенбергера, жившего в этой квартире, главный герой насмешливо называет *ein Grottenolm der Revolution* (протей революции). Данная окказиональная зооморфная метафора основана на уподоблении Ашенбергера протее – амфибии, обитающей в подземных реках и озерах и всю свою жизнь проводящей в полной темноте.

После обнаружения в квартире Ашенбергера взрывчатки отношение Линде к герою становится резко негативным. Он называет бывшего друга и соратника террористом и сумасшедшим, используя имена существительные с отрицательной ингерентной коннотацией: *Und das Wort Terrorist hakte sich in meinen Gedanken fest* [Ibidem, S. 63]. / И слово «террорист» засело у меня в голове. *Ein Verrückter. Nur ein Verrückter hantiert in diesem Land mit Sprengstoff* [Ibidem, S. 64]. / Сумасшедший. Только сумасшедший будет орудовать в этой стране взрывчаткой.

Линде пытается разобраться в мотивах, заставивших Ашенбергера взяться за подготовку теракта. В его голове роятся бесконечные вопросы, пока остающиеся без ответа. Отсутствие вопросительных знаков в конце вопросительных по своей форме предложений создает интонацию задумчивого рассуждения, как при мыслях вслух: *Wie kommt man darauf, mit Sprengstoff zu hantieren, zumal er damals gegen jede Form von Gewalt argumentiert hatte, keine Gewalt, weder gegen Sachen, noch gegen Menschen* [Ibidem]. / Почему он решил воспользоваться взрывчаткой, тем более что раньше он отвергал любую форму насилия: никакого насилия, ни в отношении вещей, ни в отношении людей.

Чем дальше протагонист размышляет о плане Ашенбергера, тем менее абсурдным он ему кажется. Постепенно позиция друга начинает вызывать у Томаса Линде уважение. Образ жизни Ашенбергера возводится Линде в статус эталона, и на последних страницах романа главный герой говорит, что если бы все люди прожили свою жизнь так, как это сделал Ашенбергер, то мир стал бы значительно лучше: *Das ist das Erstaunliche, jemand, der keinen Besitz will, keine Immobilie, kein Auto, jemand der versucht, so zu leben, daß, wenn alle so lebten, eine friedliche, auf Gleichheit, Freiheit und Brüderlichkeit ausgerichtete Gesellschaft entstünde, jemand, der nur das hat, was er braucht, jemand, der versucht, nicht zu lügen, jemand, der will, daß der Mensch dem anderen hilft, keine Ausbeutung, keine Gewalt, jedenfalls keine Gewalt gegen Menschen will* [Ibidem, S. 389]. / Это удивительно – человек, не желающий иметь собственность, недвижимость, машину. Человек, старающийся жить так, что если бы все жили подобным образом, то возникло бы мирное, направленное на достижение равенства, свободы и братства общество. Человек, у которого есть только то, что ему действительно необходимо; человек, старающийся не лгать; человек, который хочет, чтобы все помогли друг другу и который против эксплуатации и насилия, во всяком случае, против насилия по отношению к людям.

Обрисовывая систему жизненных ценностей Ашенбергера, протагонист использует перечисление (*jemand, der keinen Besitz will, keine Immobilie, kein Auto* / человек, не желающий иметь собственность, недвижимость, машину). Имея в контексте высказывания отрицательную коннотацию, имена существительные *Besitz* (собственность), *Immobilie* (недвижимость) и *Auto* (машина) в сочетании с негативным артиклем *kein* служат способом выражения симпатии Линде к Ашенбергеру. В рассматриваемом текстовом фрагменте мы сталкиваемся с явлением синтаксической конвергенции, создаваемым прямыми дополнениями, относящимися к глаголу *wollen* / хотеть, желать (*jemand, der keinen Besitz will, keine Immobilie, kein Auto* / человек, не желающий иметь собственность, недвижимость, машину; *jemand, der <...> keine Ausbeutung, keine Gewalt <...> will* / человек, который <...> против эксплуатации и насилия <...>). Синтаксическая конвергенция осложнена другими стилистическими приемами, такими как лексический анафорический повтор (*jemand, der / человек, который*); синтаксический повтор, представленный рядом придаточных определительных предложений, связанных между собой посредством асиндетической связи; полиптон (*leben / жить, lebten / жили*) и т.д. Такая комбинация понадобилась автору для того, чтобы сфокусировать внимание читателя на положительной оценке, данной Томасом Линде Ашенбергеру.

Восприятие Ашенбергера другими героями романа отличается неоднозначностью, с помощью чего реализуется авторское намерение создать максимально объективный портрет героя.

Ирис нравится бескомпромиссность Ашенбергера: *Je länger ich, sagt Iris, über diesen Aschenberger nachdenke, desto mehr gefällt mir seine Kompromißlosigkeit* [Ibidem, S. 326]. / «Чем дольше я думаю об этом Ашенбергере, – говорит Ирис, – тем больше мне нравится его бескомпромиссность».

Сын Ашенбергера рассказывает Линде об отце следующее: <...> *er konnte einfach nicht mit Kindern, sie waren für ihn keine Gesprächspartner. Er gab sich Mühe, aber das merkte man ihm eben an. Er lebte auf, wenn er diskutieren konnte, Rede und Widerrede, ganz erstaunlich, unbeschreiblich. Dann ging es um Widersprüche, um Strukturen, Zusammenhänge, dann war er so etwas von präsent, füllte den Raum aus. Aber so die Alltagsnöte. Nein. Die große Gerechtigkeit, ja, Fortschritt, Aufklärung* [Ibidem, S. 336]. / Он не умел обращаться с детьми и не видел в них собеседников. Он старался этого не показывать, однако это все же было заметно. Он оживал во время дискуссий – аргументы и контраргументы, совершенно удивительно, неопишимо. Речь шла о разногласиях, структурах, причинах, и его присутствие ощущалось настолько интенсивно, что он, казалось, заполнял собой все пространство комнаты. Но вот что касается нужд повседневности – то они его не интересовали. Великая справедливость – да, прогресс, просвещение.

Сын героя восхищается Ашенбергером-оратором и не скрывает своего разочарования Ашенбергером-отцом. Описывая его способность дискутировать, он употребляет прилагательные, приобретающие в данном контексте положительную эмоционально-экспрессивную окраску (*erstaunlich* / удивительный, *unbeschreiblich* / неопишимо, *präsent* / интенсивный), и сложные предложения, но как только разговор касается темы повседневных семейных забот, он ограничивается лишь парой сухих замечаний, выраженных эллиптическими предложениями, из которых следует, что к таким мелочам Ашенбергер был равнодушен.

Доминирующими лингвопоэтическими приемами в создании образа Петера Ашенбергера в романе Уве Тимма «Красный цвет» являются портрет персонажа и его речевая характеристика. Ашенбергер предстает перед читателем как неординарная личность, целеустремленный и самоотверженный человек, обладающий сильным характером. Его жизненную позицию можно разделять, критиковать или же отвергать. Однако неоспорим тот факт, что автором романа создан яркий образ героя-бунтаря, не оставляющий читателя равнодушным.

Список литературы

1. **Борисова Е. Б.** Художественный образ в английской литературе XX века: типология – лингвопоэтика – перевод: дисс. ... д. филол. н. Самара, 2010. 383 с.
2. **Красавский Н. А.** Индивидуально-авторские концепты Германа Гессе в повести «Сиддхартха. Индийская поэма» // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. монография / науч. ред. В. И. Шаховский; отв. ред. Н. Н. Панченко. Волгоград: Перемена, 2013. С. 347-363.
3. **Красавский Н. А.** Эмоциональный концепт «отражение» в романе Роберта Музиля «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44). Ч. 2. С. 114-118.
4. **Макарова О. С.** Метафорическая реализация индивидуального базисного концепта «Wahrheit» в философии Ф. Ницше // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22). С. 104-106.
5. **Маслова В. А.** Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2004. 256 с.

6. **Николина Н. А.** Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 256 с.
7. **Der lange Marsch durch die Institutionen** [Электронный ресурс]. URL: http://universal_lexikon.deacademic.com/226692/Der_lange_Marsch_durch_die_Institutionen (дата обращения: 27.08.2015).
8. **Timm U.** Rot. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2008. 394 S.

THE IMAGE OF REBEL IN UWE TIMM'S NOVEL "RED"

Tereshenok Elena Vladimirovna
Volgograd State Pedagogical University
vesna14@mail.ru

The article is devoted to the complex analysis of artistic-compositional and verbal-speech means and methods of creating the image of rebel in the novel of the modern German writer Uwe Timm "Red". On the basis of the research conducted by the author with the use of the method of thematic stratification of the text the most significant aspects of the creation of the image of the literary hero in this work as the portrait of the character and his verbal characteristic are identified.

Key words and phrases: individual author's world view; artistic image; ways of the artistic image explication; introduction of the character image; portrait of the character; verbal characteristic of the character; description of the character's actions; category of author's attitude.

УДК 81.373.43

Филологические науки

Статья посвящена трансформации семантики аббревиатур, которая происходит по стандартным, хорошо известным в русистике семантическим моделям: перенос наименования, расширение значения, сужение значения, семантический сдвиг. Анализ семантической структуры аббревиатур позволил отметить, что в последнее время наблюдаются случаи комплексного формирования значений, когда действует одновременно несколько семантических процессов. Являясь неполнозначными словами, аббревиатуры тем не менее подчиняются тем же семантическим законам, что и полнозначные наименования. Это является свидетельством их освоения системой современного русского языка.

Ключевые слова и фразы: аббревиатуры; семантика; семантические процессы; сема; метонимизация; метафоризация; расширение значения; сужение значения; семантический сдвиг.

Тибилова Марина Ираклиевна, к. филол. н.

Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ
rotairr@mail.ru

СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АББРЕВИАТУРНЫХ ИННОВАЦИЙ[©]

Семантические преобразования, протекающие чрезвычайно интенсивно, – одно из актуальных проявлений современных языковых инноваций [7, с. 9]. «Экономичность» языка, являющаяся одним из важнейших его свойств, вынуждает язык избегать количественного приращения лексических единиц за счет формирования новых значений у уже имеющихся в языковой системе номинативных средств. Таким образом, трансформация семантической системы языка – это его онтологическое свойство [5, с. 32].

Лексическое значение, как никакая другая категория языка, является предметом непрекращающихся научных споров. В целях ограничения предмета семантического анализа целесообразно отметить исходный подход в понимании лексического значения. Наиболее адекватной и практически значимой для изучения процесса неологизации представляется интегративная теория, сторонники которой, корректируя отражательную теорию, утверждают: свойства именованных предметов, отраженные в сознании, составляют основу лексического значения; языковые единицы, соотносясь с предметами опосредованно, через мышление, служат средством их обозначения [1, с. 243]. Именно эта теория учитывает действие как внешних, так и внутренних факторов, обуславливающих процесс неологизации языка.

В связи с тем, что в лексическом значении фиксируются различные стороны мыслительного содержания номинируемых предметов, оно представляет собой сложную динамическую структуру, состоящую из минимальных смысловых элементов – сем (денотативных, коннотативных, вероятностных и т.д.).

Иерархически упорядоченная семема состоит из *денотативного макрокомпонента*: ядра (архисема плюс обязательные дифференцирующие семы) и периферии (вторичные дифференцирующие семы, обычно имплицитные, связанные с вероятностными денотативными признаками), а также *коннотативного макрокомпонента* [3, с. 38]. Коннотативная часть целиком лежит в речемыслительной сфере, определяется часто субъективными моментами восприятия и интерпретации возникающего в сознании представления.

Семантическая динамика в слове вызывается изменениями рангового статуса сем, их перемещениями, редукцией или актуализацией и т.д. В результате семной динамики лексические единицы языка претерпевают